

УДК 339.9(571.6+511)

П. А. Минакир

РОССИЯ — КИТАЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: МНИМЫЕ СТРАХИ И РЕАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ

Рассмотрены последствия развития экономических взаимоотношений России и Китая на Дальнем Востоке. Показаны виртуальные и реальные угрозы и проблемы этих взаимоотношений. Сформулирована гипотеза о необходимости новой индустриализации на российском Дальнем Востоке в противовес плану возрождения старой промышленной базы на Северо-Востоке Китая.

Приграничное сотрудничество, угрозы, миграция, индустриализация, государственная политика, интеграция.

Китай все более очевидно превращается в один из важнейших факторов глобального экономического и политического развития. Это — долговременный фактор, не учитывать который нельзя уже сейчас и станет совершенно невозможно уже в ближайшем будущем. Для России Китай превратился в важнейшего стратегического партнера, в том числе и в экономической сфере. Особое значение сотрудничество с Китаем имеет в контексте развития восточных районов России, многие из которых еще с начала 1990-х гг. переориентировали свои экономические связи на китайский рынок. За последние 20 лет Китай значительно усилился экономически, политически и в военном отношении, что неизбежно привело к изменению его самоидентификации.

На протяжении последнего десятилетия Китай, являясь наиболее быстро

© Минакир П. А., 2009

Статья основана на рабочих материалах, подготовленных к саммиту Россия — Евросоюз и совещанию о приграничном сотрудничестве с Китаем и Монголией и развитии восточных регионов РФ, проведенному Президентом РФ (Хабаровск, 21–22 мая 2009 г.).

Статья подготовлена при поддержке проекта ДВО РАН № 09-1-ООН-02.

растущей экономикой Северо-Восточной Азии, одновременно становится основным стержнем экономической интеграции в регионе, распространяя свое влияние на соседние страны. Особенно остро расширение влияния Китая ощущается сопредельными территориями соседних государств, оказавшимися в той или иной мере втянутыми в сферу его экономических интересов. К таким территориям в силу своего географического положения относятся и российский Дальний Восток.

Масштабные преобразования, проходящие в настоящее время на сопредельных с российским Дальним Востоком территориях, еще больше увеличивают разрыв в экономическом развитии двух регионов. В сложившихся обстоятельствах Китай все в большей степени берет на себя роль активного координатора двустороннего взаимодействия. В результате в данном процессе возникает ряд противоречий и проблем, негативно отражающихся на развитии ряда дальневосточных субъектов РФ. Анализ советских (а впоследствии и российских) отношений с КНР показывает, что в них ведущую роль на протяжении практически всей истории играли политические соображения. В качестве основной цели российской политики декларировалось развитие мирных добрососедских отношений между двумя странами, ослабление напряженности в регионе. Расширение же торгово-экономических отношений рассматривалось лишь как инструмент укрепления дружбы и сотрудничества в политической сфере. Поэтому в большинстве случаев СССР и РФ положительно реагировали на инициативы КНР в экономической сфере и поддерживали предлагаемые китайской стороной мероприятия. Таким образом, у Российской Федерации отсутствовала (и в настоящее время отсутствует) собственная комплексная государственная стратегия развития экономических отношений с Китаем на приграничных территориях. В этих условиях децентрализация внешней торговли в 1990-е гг. привела к практически полной потере централизованного государственного контроля за процессом развития двусторонних торгово-экономических отношений. Вместо общегосударственных интересов появилось четыре группы новых — интересы субъектов РФ, муниципальных органов, отдельных предприятий и граждан. В итоге процесс сотрудничества в экономической сфере практически полностью стал управляться китайской стороной. Попытки восстановить баланс в отношениях не имели положительного результата, так как предпринимались бессистемно, без единой стратегической линии, учитывающей взаимозависимость отдельных секторов современной экономической системы Дальнего Востока и специфику развития взаимоотношений с сопредельными регионами КНР.

Одним из результатов этого явилось накопление всевозможных «фобий» относительно китайского «засилья», «захвата» и пр. (см., напр.: [4]). Нали-

чие на дальневосточной границе густонаселенного, быстроразвивающегося, диверсифицированного территориально-экономического образования в форме северо-восточных провинций Китая, которое к тому же пользуется не просто поддержкой, но активно и четко координируется и направляется центральным правительством, действительно резко контрастирует с теряющим население, примитивизирующей экономическую структуру Дальневосточным регионом России. Это и стало причиной того, что с начала 1990-х гг. и средства массовой информации, и многие вполне почтенные эксперты занялись и продолжают заниматься перебором различного рода реальных и мнимых угроз со стороны Китая на дальневосточной границе Российской Федерации.

Среди наиболее часто упоминаемых в литературе проблем и угроз во взаимоотношениях РФ и Китая на Дальнем Востоке:

- переселение на Дальний Восток значительных масс китайцев (называются разные цифры, до 2 млн чел. уже в настоящее время), которые де-факто образуют собственный анклав в регионе;
- развитие политической обстановки по сценарию Косово, то есть предъявление требований политического самоопределения концентрированного китайского населения, что приведет к потере Россией южных территорий Дальнего Востока, то есть вернет ситуацию к середине XIX в.;
- «тихий захват» экономики и недвижимости, земли, что превратит Дальний Восток фактически в экономическую колонию Китая;
- превращение Дальнего Востока РФ в сырьевую колонию Китая, что фактически окончательно оторвет регион от России в экономическом отношении;
- чрезмерное «замыкание» экономики региона на китайский рынок, что будет означать фактическую изоляцию России от остального азиатского мира, прежде всего от Японии, стран АСЕАН, США, Канады (в экономическом отношении) и жестко привяжет экономику Дальнего Востока России к китайскому воспроизводственному и конъюнктурному циклу;
- финансовый захват (скупка) основных сырьевых запасов в регионе (интересных экономически для Китая), что лишит регион и Россию в целом значительной части суверенности в распоряжении и использовании своего природного потенциала;
- вероятность долговременной фиксации сложившейся экономической структуры региона и товарной структуры внешней торговли, что будет означать прогрессирующее перераспределение экономической и торговой ренты в пользу Китая;
- возврат территорий Южного Приамурья и Приморского края в состав Китая по силовому сценарию, учитывая постоянное усиление как экономи-

ческого, так и военного потенциалов Китая, а также вероятное увеличение агрессивной компоненты в геополитической стратегии КНР по мере усиления китайского влияния в мировой экономике и политике.

Этот список включает весьма разные по вероятности их наступления и реалистичности их содержания будущие события (см.: [1]).

Во-первых, вероятность силового сценария реставрации китайского суверенитета над Южным Приамурьем и Приморским краем представляется чрезвычайно низкой не только потому, что эпоха военно-колониальных захватов давно закончилась и в современном мире существует множество механизмов, предотвращающих подобные сценарии, но и потому, что любой сколько-нибудь масштабный военный конфликт между ядерными державами исключен в принципе.

Во-вторых, реализация сценария массового переселения китайского населения в Приамурье и Приморский край при прочих равных условиях зависит от эффективности и целей регулирования миграционной ситуации самой Россией. Подобное переселение при определенных условиях может оказаться положительным фактором для развития региона в случае, если такое развитие будет происходить по монотонно возрастающей траектории и основным фактором роста при этом будет физический прирост численности занятых, то есть упор будет сделан на развитие трудоемких производств; скорее всего, подобное предположение вряд ли реалистично, учитывая уже объявленные и разрабатываемые декларации и намерения в различных документах, касающихся перспектив социально-экономического развития Дальнего Востока; следовательно, угроза массового переселения китайцев если и реализуема, то вполне контролируема.

В-третьих, угроза изменения политического режима в результате спровоцированного изнутри военно-политического переворота (косовский сценарий) также очевидно существует лишь гипотетически в случае, если, во-первых, Россия сама допустит массированную легальную иммиграцию из Китая, а во-вторых, если при этом не будут быстро и жестко созданы условия, обеспечивающие полную ассимиляцию пришлого китайского населения и его абсолютную политическую и культурную идентичность с гражданами других национальностей; часто встречающиеся ссылки на то, что ассимилированность китайского населения в США, Европе, Канаде, где оно не создавало и не создает угроз территориальному и политическому суверенитету заселяемых территорий, не могут служить доводом в случае российского Дальнего Востока; однако следует учитывать также наличие концентрированных китайских анклавов в Малайзии, Таиланде, Сингапуре, которые, так же как и Россия, расположены в непосредственном контакте с китайской метрополией, но там не возникало и не возникает «косовских» прецедентов. Ины-

ми словами, косовский сценарий в принципе возможен, но его реализация в значительно большей степени зависит от действий или от бездействия самой России, чем от Китая и от потенциальных китайских мигрантов на Дальнем Востоке.

Но существуют и действительно вполне реальные проблемы и даже угрозы, которые нельзя не учитывать [1].

Во-первых, реальной угрозой является вероятность установления контроля над дальневосточным бизнесом и недвижимостью. При этом наибольшую опасность представляет контроль не над крупными объектами и предприятиями, что легко контролировать, а над мельчайшим, мелким и средним бизнесом; приобретение «малыми порциями», как правило, через подставных лиц жилой и коммерческой недвижимости, земельных участков. Реальная опасность при этом заключается в том, что вслед за финансовыми потоками последуют потоки людские, но так как они будут привязаны к реальной собственности и реальному бизнесу, их влияние на экономическую и социально-культурную ситуацию на Дальнем Востоке будет возрастать пропорционально доле китайского бизнеса в общем экономическом обороте и даже быстрее, учитывая чрезвычайную деловую агрессивность, трудолюбие и целеустремленность китайцев, что делает их чрезмерно сильными конкурентами отечественным предпринимателям и в целом населению. Особая опасность при этом связана с тем, что вероятные экономические мигранты из Китая — это выходцы из северо-восточных провинций, значительно уступающих южным и приморским провинциям Китая с точки зрения образовательного ценза, уровня культуры, этических норм, поведения в быту и т. д. Это может радикально изменить как сам бизнес, так и в целом дальневосточное общество, сделав их более примитивными, соответственно резко ослабив потенциал адаптации в быстро меняющейся экономической и технологической обстановке, принципиально осложнив конкурентоспособность на всех рынках, кроме китайского.

Во-вторых, весьма реальной является угроза трансформации экономики Дальнего Востока в сегмент общекитайского рынка, а точнее, превращение экономики Дальнего Востока в сырьевую базу и транспортно-логистический центр по снабжению китайской промышленности сырьем, транспортной переброске китайской продукции на другие территориальные рынки и одновременно в рынок сбыта продукции китайской перерабатывающей промышленности. При этом каких-либо кооперационных выгод, например, получение гарантированных китайских заказов для обрабатывающей промышленности самого Дальнего Востока, не будет. Вероятность такого развития событий велика, так как внешний спрос является и для промышленности, и для транспорта Дальнего Востока критически важным условием роста, а

высокие темпы роста Китая и его агрессивная внешняя экономическая политика, создающая хорошие условия для китайского бизнеса по экономической аннексии сравнительно слабых приграничных территорий, создают объективную основу для все большего смещения этого внешнего спроса по направлению Китая. Отсутствие контригры, выраженной в акцентированной экономической политике России на Дальнем Востоке, вполне может привести к созданию подобной ситуации «по умолчанию».

В-третьих, в случае, если экономическая концепция Китая, предусматривающая использование накопленных резервов и всего имеющегося потенциала китайской экономики для реставрации в послекризисный период глобальных экономических взаимосвязей по типу докризисной мировой экономики, окажется успешной и будет реализована, восстановивший экономический рост Китай вполне способен через определенное время поглотить существенную часть мировых сырьевых ресурсов. В этом смысле Дальний Восток как сырьевая провинция Северо-Восточной Азии, вполне вероятно, может трансформироваться в сырьевую провинцию Китая по тем компонентам запасов сырья, по которым Китай испытывает напряженность при формировании своих натуральных балансов. Этому будет способствовать то, что сохранение докризисной модели глобальных торговых и финансовых перетоков означало бы дальнейшее увеличение финансового потенциала Китая, что облегчило бы ему задачу экономической аннексии (в форме концессий, приобретения активов, прямых инвестиций, долговременных соглашений) на сырьевых рынках. С этой точки зрения у России есть определенные возможности противодействовать подобному сценарию, так как в случае действительной реставрации докризисного экономического глобального порядка (что, впрочем, представляется сомнительным) Россия также сохранится как заметный игрок на сырьевых рынках мира. Это будет означать аккумуляцию Россией в среднесрочном периоде существенных финансовых ресурсов, что может быть использовано для активизации собственной политики противодействия китайскому экспансионизму на сырьевых рынках. Однако подобная угроза реальна, и ее устранение требует эффективных, быстрых решений.

В-четвертых, очень сложной задачей является парирование угрозы длительной консервации отсталой экономической структуры Дальнего Востока на фоне быстрого экономического роста Китая, увеличение спроса со стороны которого на сырьевые ресурсы будет провоцировать перераспределение ресурсов накопления на Дальнем Востоке и в России в целом в сырьевые сектора. Это приведет, конечно, к дрейфу экономической структуры в сторону сравнительно примитивных добывающих секторов при нехватке ресурсов для облагораживания структуры. Парировать эту угрозу, полагаясь только на

рыночные механизмы регулирования, скорее всего, окажется невозможным, так как фактор минимизации упущенной выгоды будет объективно препятствовать блокированию перераспределения ресурсов накопления в пользу добывающих отраслей. Следовательно, парировать эту угрозу возможно только в рамках целенаправленной государственной экономической политики, в которой противодействие китайскому экономическому экспансионизму является явной формализованной целью.

В-пятых, активно реализуемая, финансируемая и жестко контролируемая китайским государством программа развития экономики северо-восточных провинций Китая уже привела к осязаемому росту экономики трех сопредельных с Россией провинций КНР [3]. Экономика регионов российского Дальнего Востока не демонстрировала столь же высокие темпы роста, ряд регионов был вынужден строить свои взаимоотношения с сопредельными территориями КНР, руководствуясь не общегосударственными принципами, а интересами собственного экономического выживания. В результате регионы Дальнего Востока не столько выступают в качестве представителей государства, проводя единую экономическую политику, сколько конкурируют между собой в получении выгод от взаимоотношений с сопредельными китайскими провинциями (в основном с провинцией Хэйлунцзян). Фактическое следование приграничных субъектов РФ китайской региональной экономической политике создает потенциальную угрозу либо институционального отторжения приграничных регионов России, либо формирования на их территории принципиально противоречивой институциональной среды — смешанного институционального режима (официального российского и фактического китайского), что в конечном счете способно разрушить экономику этих регионов.

В-шестых, Китай становится серьезным конкурентом России в сфере транзитных грузовых перевозок. Возникли объективные предпосылки для переориентации на китайские транспортные коридоры части товарных потоков из Восточной Азии в Европу. Это стимулируется также расширением Китая своей транспортной сети, соединением железнодорожных маршрутов Северо-Восточного Китая с транспортными системами бывших среднеазиатских республик. В то же время высокие тарифы на перевозки по Транссибу, низкое качество предоставляемых транспортных услуг в России снижают потенциальную конкурентоспособность ОАО «РЖД».

Конечно, реальные угрозы должны учитываться, но следует отдавать себе отчет, что это не столько угрозы, сколько объективные условия взаимодействия с мощным и динамичным соседом, взаимодействия, которые являются важным фактором позитивного развития не только Дальнего Востока самого по себе, но и России в целом. Собственно говоря, угрозами эти усло-

вия становятся только в том случае, если они, во-первых, не оцениваются во всей их полноте, а во-вторых, если мы полагаем интересы своего соседа проявлениями чуждой культуры, и при этом культуры антагонистической. Это, конечно, не так, успех развития в будущем определяется не способностью изолироваться от иных культур и тем более не победить их, а готовностью к организации эффективного взаимодействия культур с обязательным сохранением собственной идентичности. Истинная задача заключается в том, чтобы осознать, а затем и действовать в соответствии с убеждением и пониманием того, что миссия России и единственная возможность для нее конструктивно сотрудничать в Восточной Азии — сохранение поликультурности, настроя на синтез культур в условиях дальневосточного перекрестка мира.

Эффективное и динамичное сотрудничество России со странами СВА, и в первую очередь с Китаем, невозможно без формирования современного, высокодинамичного экономического и социального комплекса в южных районах российского Дальнего Востока и Восточной Сибири. В настоящее время, несмотря на все многолетние попытки создать на Дальнем Востоке именно такой комплекс, экономика региона продолжает оставаться отсталой сырьевой, чрезвычайно сильно зависящей от динамики внешнего спроса и возможностей федерального бюджета по финансированию отдельных проектов. Россия должна четко определить национальную стратегию на своих восточных рубежах. По существу, следует ответить на главный вопрос — достаточно ли для России дальнейшее функционирование Дальнего Востока как сырьевой провинции, перспективы которой определяются потребностями в основном внешних рынков, и особенно Китая, либо стратегической задачей является осуществление «новой индустриализации», в рамках которой должна быть проведена глубокая модернизация экономической структуры промышленных регионов Дальнего Востока (Приморский и Хабаровский края, Амурская и Сахалинская области), а также созданы условия для формирования принципиально новых рыночных ниш для дальневосточных производителей как на национальном, так и на мировом рынках. Это должно быть политическое решение, которое являлось бы императивом не только для государственных органов власти и управления, но и для всех экономических агентов Дальнего Востока и Российской Федерации.

Последние годы усилиями государства происходит формирование «переходной модели» развития восточных районов. Суть ее — в создании стратегической инфраструктуры транзита, поддерживающей экспортные потоки сырья из Российской Федерации на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе в Китай (морские порты, нефте- и газопроводы, железнодорож-

ное и автомобильное строительство, электроэнергетическая инфраструктура). Это фактически означает формирование экономики южной части Дальнего Востока как транзитной базы федерального значения, развитие которой основывается на получении инфраструктурной ренты, то есть по-прежнему целиком зависит от внешних для данного региона факторов [2, с. 952–970]. По существу, формирующаяся «переходная модель» является аналогом ранее существовавшей (1930–1990 гг.) модели «тыловой базы». Самостоятельного импульса развития в данной модели возникнуть не может, хотя выполнение транзитных функций является важнейшим и эффективным элементом общегосударственной стратегии диверсификации внешних сырьевых рынков, а следовательно, должно рассматриваться как долговременная стратегическая компонента. Вместе с тем создание инфраструктурных коридоров логически является заключительным этапом всего предыдущего 80-летнего периода индустриального развития Дальнего Востока, в течение которого он рассматривался как сырьевая база для внутреннего и внешнего рынков. Этот этап подытоживает предшествующее развитие и является основой для последующей модернизации экономики региона.

В перспективе необходимо перейти от аморфных территориально-отраслевых стратегий развития к разработке ориентированных на решение конкретных узких проблем в рамках идеи новой индустриализации программ развития, которые должны разрабатываться на основе глубоких фундаментальных проработок государственных академий наук.

Практически во всех документах последних 20 лет одним из основных вопросов, тревожащих государство, определялся вопрос о закреплении населения. На сегодняшний день население Дальнего Востока составляет порядка 6,5 млн чел., что почти на 20% меньше, чем в 1990 г. В последние годы установилось мнение об улучшении демографических показателей. Самая распространенная ошибка, которая укрепляет этот миф, — это оценка рождаемости по числу родившихся за год. Однако этот показатель является отражением разных тенденций, не относящихся к объективному повышению рождаемости. Увеличение рождаемости в последние два-три года является следствием вступления в период активного воспроизводства более многочисленного поколения, рожденного в 1980-е гг. Абсолютное число родившихся в 2006 г. не достигло уровня 1990 г. ни на Дальнем Востоке, ни в России в целом. Есть основания предполагать, что ситуация с рождаемостью может ухудшиться после 2010 г., поскольку демографическое будущее заложено в современной возрастно-половой структуре населения.

При сохранении сложившихся тенденций миграция в будущем также не сможет стать составляющей прироста населения, поскольку в условиях отставания региона по уровню и качеству жизни население не видит перс-

пектив для реализации своих приоритетов и социальных установок в случае перемены места жительства в пользу Дальнего Востока. Пониженный уровень доходов населения снижает привлекательность региона не только для мигрантов, но и для самого населения, проживающего на территории. Последствия естественной убыли населения и миграционного оттока достаточно предсказуемы: деформируется возрастная структура населения, сокращается численность экономически активного населения, что является факторами риска для социально-экономического развития региона и национальной безопасности России на восточных рубежах. При сложившейся демографической ситуации к 2016 г. потеря трудоспособного населения в регионе относительно последней переписи населения 2002 г. может достичь 0,5 млн чел. К этому же времени общая численность населения региона прогнозируется на уровне все тех же 6,5 млн чел.¹

Это порождает беспокойство относительно формирования в будущем населения и трудового потенциала в регионе. Для адекватной реакции на ситуацию в области народонаселения необходимо ответить на несколько принципиальных вопросов: 1) нужно ли ориентироваться на увеличение численности населения за счет миграции из внутренних районов РФ и/или стран СНГ; 2) следует ли ориентироваться на поддержание баланса трудовых ресурсов за счет зарубежной миграции; 3) достаточно ли сконцентрироваться на создании условий, обеспечивающих сохранение стабильности населения на Дальнем Востоке на основе естественного воспроизводства и положительного сальдо миграции с внутренними районами РФ? Представляется, что первоочередной задачей является третья. Прежде чем создавать условия для привлечения населения, следует обеспечить нормальные стандарты для уже имеющегося населения. Точно так же, даже ориентируясь на привлечение иностранной рабочей силы, следует обеспечить бесспорные социальные преимущества на рынке труда для населения самого Дальнего Востока.

Часто высказывается озабоченность относительно того, что Дальний Восток России все в большей степени становится сегментом азиатского рынка, «удаляясь» от внутреннего экономического оборота, что является своеобразной формой утверждения о необходимости «привязки» Дальнего Востока к внутреннему рынку России. Это утверждение, во-первых, не основано ни на каких серьезных документах экономического характера, а во-вторых, содержит противоречие с общей стратегией присоединения России к восточно-азиатскому интеграционному процессу и использованию нового глобально-экономического центра (в Восточной Азии) в социально-экономических

¹ По данным Института экономических исследований ДВО РАН.

интересах Российской Федерации. Реализуемая в настоящее время политика по созданию на Дальнем Востоке инфраструктурных коридоров для выхода российской экономики на рынки Восточной Азии и является государственной политикой по обеспечению тесной интеграции Дальневосточного региона с экономикой всей страны. Любые попытки искусственных экономических взаимосвязей будут либо нарушать нормальное функционирование рыночного механизма, либо воссоздавать искусственно поддерживаемую и потому внутреннее нежизнеспособную экономику самого региона, которую, в конечном счете, все равно в очередной раз и опять очень болезненно придется перестраивать.

Невозможно изолировать какую-либо экономику, в том числе российскую и дальневосточную, от контактов с внешним миром без риска вырождения экономических, технологических и социальных структур. Однако сформулированная выше теза об обязательности сохранения собственной идентичности и обеспечении экономической и политической безопасности государства также является абсолютным приоритетом. Применительно к ситуации на дальневосточных границах с Китаем это означает, что необходимо обеспечить такие условия, при которых экономические, технологические и гуманитарные взаимодействия будут организованы в рамках общепринятых международных процедур, но на территории самой РФ и ее дальневосточных субъектов должен быть сконструирован комплекс мер и условий, обеспечивающих безусловный приоритет интересов государства, экономических агентов и граждан РФ, включая защиту таких институтов, как политическая целостность страны, права собственности, контроль над элементами национального богатства, приоритет российских культурных ценностей.

Переход к новому этапу экономического развития Дальнего Востока неизбежен. Содержанием этого этапа должна являться программа новой индустриализации региона, которая, по существу, представляет собой антикризисную стратегию применительно к восточным районам России. Эта стратегия реализует неоднократно высказывавшиеся идеи о необходимости использования нынешнего мирового кризиса для перенастройки национальной экономики, включая ее пространственную организацию и позиционирование в глобальной экономике. Учитывая, что сырьевые и инфраструктурные ресурсы Дальнего Востока и Восточной Сибири являются основой восточного вектора национальной экономической системы, следует отдавать себе отчет в том, что определенная часть как уже полученных, так и потенциальных доходов российской экономики и государства обеспечивалась, обеспечивается и будет обеспечиваться именно здесь, на Востоке страны. Следовательно, определенную часть этих доходов спра-

ведливо было бы рассматривать как ресурсную основу для политики новой восточной индустриализации.

В контексте политики новой восточной индустриализации следует иметь в виду возможности, которые предоставляла бы предусмотренная на межгосударственном уровне синхронизация планов экономического развития и инвестиционной деятельности на Востоке России с планом экономического возрождения Северо-Восточного Китая. При всей важности и полезности использования открывающихся при этом перспектив следует учитывать, что философия и содержание китайских и российских программ территориального развития разные и, что необходимо признать, Китай имеет здесь преимущество с точки зрения предметности, конкретности и системности подходов и действий. Следовательно, обеспечивая тактические выгоды от взаимодействия в рамках синхронизации планов, следует руководствоваться приоритетностью подготовки собственного стратегического не просто видения, а детального плана действий, имея в виду новую индустриализацию в южной зоне Дальнего Востока и Восточной Сибири. Только такой подход сможет оградить от превращения восточных территорий России в сырьевую и/или производственную провинцию Китая и позволит действительно извлечь выгоды из взаимного конструктивного партнерства.

Современный финансово-экономический кризис еще раз наглядно продемонстрировал критическую важность для экономики восточных районов России спроса на внешних рынках, а также чрезвычайную опасность ситуации, когда ограниченное число стран-потребителей определяет масштабы и структуру российской экономики. Имея в виду посткризисную стратегию развития, следовало бы подумать над тем, как минимизировать подобные риски. Например, при всей важности привлечения иностранных, и в частности китайских, инвестиций в экономику дальневосточных и восточно-сибирских субъектов РФ более эффективной моделью инвестиционно-экономических взаимодействий была бы следующая: обеспечение доступа китайских компаний к закупкам российского сырья, производство которого в восточных районах обеспечивается совместными инвестициями России и Китая, а условием такого доступа является содействие китайской стороны (китайских компаний) выходу на китайский и третьи рынки российского сырья и продуктов его переработки. Это непросто. Необходимо глубоко проработать все детали подобной модели, учитывая, что есть множество условий, различающихся в зависимости от вида продукции, параметров производства, цен, таможенных условий и т. д. Но эффективные формы взаимодействия, которые бы позволили реально диверсифицировать экономику и задействовать потенциал технологического и организационного прогресса, должны быть найдены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Минакир П. А.* Россия — Китай на Дальнем Востоке: неожиданная угроза или грозные ожидания // Материалы 9-х Международных научных Лихачевских чтений (14–15 мая, 2009 г.; Санкт-Петербург).
2. От идеи Ломоносова к реальному освоению территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока / Под общ. ред. А. И. Татаркина, В. В. Кулешова, П. А. Минакира. Екатеринбург, 2009.
3. План возрождения Северо-Восточного Китая // Пространственная экономика. 2009. № 1. (Пер. с англ. В. Е. Кучерявенко).
4. Российские эксперты о «китайской угрозе» на Дальнем Востоке. <http://www.regnum.ru/news/1171599.html>.